

роженнице, что, скорее всего, неверно. В отечественной религиоведческой литературе убедительно показано, что албасты изначально покровительствовала родам и роженицам⁷.

Интересна проблема взаимоотношений албасты с водной стихией. Анализируя дагестанский материал, А.О. Булатов приходит к выводу, что «воду нельзя считать для нее родной и благоприятной стихией, скорее, наоборот» (с. 151). Но, во-первых, Г.А. Гаджиев на основе того же материала находит, что дух этот не только не боится воды, но даже селится около нее. Отсюда им делается вывод о том, что албасты некогда являлась покровительницей плодородия, ибо «вода – главное условие плодородия»⁸. Во-вторых, видимо, первоначально албасты была не только божеством, олицетворяющим плодородие и дающим жизнь, но и божеством, отнимающим ее. Этнографические материалы дают нам основание считать ее проводником в иной мир. Почти у всех народов албасты приносит к реке (арыку и т.д.) лечь или иные жизненно важные органы человека и погружает их в воду, в результате чего наступает смерть. Здесь ясно отражено древнее представление о реке как о границе двух миров, что отмечено автором (с. 151–152). Выпосасывая внутренности в воде, албасты выпускает в воду кровь жертвы, а кровь в архаических представлениях олицетворяет собой душу. Поэтому А.О. Булатов, быть может, отчасти прав, не признавая воду родной стихией албасты, но и совершенно чуждой ей она не является, и у албасты нет поводов бояться этой стихии.

Высказанные замечания не умаляют несомненных достоинств книги. Она написана хорошим языком, формулировки автора ясные, выводы обоснованные. Работа написана на основе нового, богатого и добротного материала, собранного А.О. Булатовым в ходе целенаправленных полевых изысканий. Сам этот труд в условиях горной страны и нестрога этнического многообразия требует большой затраты сил и хорошей профессиональной подготовки исследователя.

Отрадно отметить, что в некоторых отношениях к книге А.О. Булатова можно смело и заслуженно употребить слово «впервые». Прежде всего она является первым обобщающим исследованием пережитков домонотеистических верований народов Дагестана в целом. Во-вторых, здесь впервые на дагестанском материале выявлены реликты шаманства и древние пласты культа святых. Хочется надеяться, что эта работа, несмотря на ее труднодоступность, будет использована и по достоинству оценена специалистами.

Примечания

¹ Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX в. Л., 1988 и др.

² Гаджиев Г.А. Верования и обряды: доисламский период. Махачкала, 1993 и др.

³ Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976. С. 70.

⁴ Лэйи Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. М., 1982. С. 367, 373.

⁵ Жардецкая Н. Народная медицина и лечебная магия у черкесов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. М., 1940; Басилов В.Н. Пережитки колдовства у ингушей // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М., 1971; Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев: краткий очерк. Нальчик, 1991. С. 90–95.

⁶ Лэйи Э.У. Указ. раб. С. 227–235.

⁷ Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 32; Басилов В.Н. Албасты // Историко-этнографические исследования по фольклору. М., 1994. С. 51.

⁸ Гаджиев Г.А. Верования и обряды: доисламский период. Махачкала, 1993. С. 25, 27.

А.А. Ярлыканов

© 1997 г., ЭО, № 3

Экология этнических культур Сибири накануне XXI века. СПб., 1995. 224 с.*

Слова «экология этнических культур», вынесенные в заглавие рецензируемой книги, глубоко символичны, поскольку они как нельзя лучше передают значение термина «экология» («охрана», «сохранение», «сбережение») и выражают позицию, занимаемую авторским коллективом книги по отношению к проблемам традиционной духовной и материальной культуры сибирских народов XIX – XX вв.

Издание определено его авторами – группой научных сотрудников Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, признанными авторитетами в области сибирской этнографии – как сборник статей, в которых рассматриваются этнические традиции сибирских аборигенов в процессе их адаптации к суровым природным условиям Сибири и Крайнего Севера. На самом же деле, принимая во внимание объем и характер проанализированной информации, использованные при этом материалы и пространственно-временной охват громадных территорий, книга гораздо больше напоминает коллективную

*Рецензия подготовлена в рамках поддерживаемого РФНФ проекта № 96–01–00351.

монографию или выполненное в форме монографии этноэкологическое описание традиционных элементов культуры (жилище, способы ведения хозяйства, средства передвижения, одежда, народное искусство, этнопедагогика), социально-экономического и культурного развития народов Сибири на протяжении двух с половиной веков.

Рецензируемый сборник открывается статьей Ч.М. Таксами «Народы Сибири в XX веке. Социально-экономическое и культурное развитие», служащей как бы введением в проблемы экологии культуры сибирских этносов и предвещающей публикуемые ниже материалы и исследования. обстоятельно анализируя этнические и социальные процессы, культурогенез народов Сибири, Ч.М. Таксами констатирует, что выработанная в течение длительного времени культура оленеводов, рыболовов, охотников, морских зверобоев, скотоводов наиболее оптимальна и рациональна для данных природно-географических условий и является уникальной в общечеловеческом, гуманитарном аспекте (с. 11). Однако социально-экономические и политические процессы и явления XX века способствовали порой необдуманному и неоправданному ее разрыванию: усилившие промышленное давление на биосферу, оказались неустойчивыми позитивные возможности сибирских народов в хозяйственной сфере, а «их творческий потенциал и нравственные ценности... даже рассматривались как ненужные обществу» и в ряде случаев подавлялись сверху официальными органами власти и управления (с. 13). Сегодня эти тенденции, подстегиваемые демократическими реформами и социально-экономическими преобразованиями, заметно усилились, создавая условия для постепенного, видимо, уже не столь отдаленного, вытеснения аборигенов Севера и Сибири из экономической и социальной сферы и, в лучшем случае, заточения их в резервации, оформленные по типу национально-культурных парков. Поэтому, подчеркивает Ч.М. Таксами, всем нам следует прежде всего осознать, что сегодня главной и насущной необходимостью «является развитие социальной активности народов Севера, а не патернализм» (с. 17). Важно дать им шанс выжить и выстоять, опираясь на свои потенциальные возможности и исторический опыт, сохраняя и развивая «те формы культуры, которые сами народы считают необходимыми» (с. 18).

Другим, более частым проблемам экологии традиционной культуры народов Сибири и Крайнего Севера посвящены статьи остальных участников сборника.

Так, большой интерес вызывают работы В.П. Дьяконовой и Е.А. Михайловой, исследовавших типологию жилищ и способы ведения хозяйства, распространенные у сибирских народов. Библиография книг и статей по этим темам весьма обширна и составляет несколько сотен наименований, однако количество публикаций, рассматривающих жилище и хозяйство аборигенов в русле социально-культурной и биологической экологии, настолько незначительно, что постановку данной проблемы на материалах сибирской этнографии можно считать новаторской и оригинальной.

Основная функция любого жилища, независимо от его типа и способов постройки, сводится к созданию особого микроклимата и поддержанию условий для нормального существования и полноценной жизнедеятельности человеческого организма. С этой задачей традиционное жилище сибирских народов – юрта, чум, яранга, землянка или полуземлянка – справляется наилучшим образом. Достойным примером тому является, по мнению В.П. Дьяконовой, тот факт, что существование чума как основного жилища народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, известного им еще со времен палеолита, обусловило возможность для рождения и жизни более чем 800 поколений сибирских этносов (с. 37). Однако, признавая универсальность конструкции каждого из типов жилищ, следует обязательно учитывать и их индивидуальные особенности, вызванные спецификой адаптации к условиям определенной природно-географической среды, климату, в которых находились хозяйственные коллективы.

Эти же причины были определяющими и при выборе приоритетных направлений хозяйственно-промышленной деятельности сибирских аборигенов: охоты, оленеводства, рыболовства, морского зверобойного промысла и т.д., соотношение и значимость которых варьировали в зависимости от природно-географических зон и биоразнообразия осваиваемых территорий. С XVII в. к этим причинам добавилась и постепенно стала главной еще одна – уровень развития товарно-денежных отношений и рынка. Именно под ее влиянием главенствующим направлением хозяйственной деятельности стала пушная охота, а «охота на крупных животных, сохраняя для внутреннего употребления как основной источник мясной пищи», отступила на второй план (с. 66). В связи с этим особо ценным представляется сделанное Е.А. Михайловой наблюдение о существовании синхронной связи «между развитием пушного промысла, становлением его на прочную товарную основу и увеличением оленьих стад», проистекающей из явной зависимости «успехов пушного промысла от степени обеспечения охотников достаточным количеством оленей» (с. 67). На наш взгляд, отмеченная закономерность прекрасно иллюстрирует роль и значение человеческого фактора в складывании системы традиционного природопользования, известной у сибирских народов с середины XVIII в.

Проблемам народного искусства Сибири посвящена статья Л.Р. Павлинской. Поставив своей целью определить значение традиции в формировании его национальной (этнической) специфики (с. 92), Л.Р. Павлинская анализирует элементы орнамента (квадрат, ромб, треугольник, круг и т.д.), встречающиеся в искусстве почти всех сибирских народов и служащие подтверждением их многочисленных этнических контактов и культурного взаимодействия.

Экологическому аспекту изучения одежды населения тундровой зоны Сибири уделено внимание в статье Е.Г. Федоровой. «Считается, – пишет Е.Г. Федорова, ссылаясь на мнение Н.А. Дубовой, – что этническая группа вырабатывает оптимальную форму системы жизнеобеспечения, неотъемлемой составной частью которой является и одежда, всего за несколько поколений», однако «трудно определить, какое количество времени потребовалось для формирования этнографически зафиксированной одежды сибирского населения» (с. 119). Экологический подход к изучению одежды в интерпретации автора статьи подразумевает два уровня: первый из них непосредственно зависит от ландшафтно-климатических условий, второй связан с географической средой косвенно, через основные хозяйственные занятия, также влияющие на характеристики одежды (с. 120). При этом этническая специфика костюма не всегда проявляется в покрое. Она может скрываться в материале или характере украшений одежды. Особую сложность, по мнению Е.Г. Федоровой, в экологическом исследовании костюма представляет механизм заимствований, связанный не только с проявлением адаптации к данной природно-географической среде, но и с престижностью и системой ценностей, пока еще не изученных в сибирской этнографии (с. 121).

Характеристике традиционных средств передвижения, встречающихся у народов Северной Сибири, посвятила свою статью Н.В. Ермолова. Анализируя распространение, формы, типы и конструкции оленного и собачьего транспорта, она выделяет четыре ареала – Северо-Восток, Западную и Восточную Сибирь, Амуро-Сахалинский регион, где развитие транспортных средств напрямую зависело не только от природно-климатических условий и особенностей породы северных оленей и охотничьих или ездовых собак, но и от степени оседлости населения этих территорий. Автор делает вывод, что практически повсеместное сохранение оленей и собак свидетельствует сегодня о преимуществах традиционных видов транспорта перед механическими благодаря простоте их применения, надежности и экологичности.

Мир детства у народов Сибири стал темой заключительной статьи сборника. Ее автор А.А. Малыгина исследует на сибирском материале проблемы этнографии детства, традиционных игр и игрушек. Приняв во внимание в качестве исходного постулата утверждение А.С. Макаренко о том, что для детей вся их «жизнь – это игра» (с. 199), А.А. Малыгина прежде всего обращает свое внимание на типологию игр и игрушек, отражающих особенности хозяйственно-промысловой, бытовой и культурно-обрядовой деятельности взрослых членов этноса. Понять психологию ребенка становится гораздо проще, проанализировав предметы его игры. У народов Севера и Сибири это прежде всего куклы. «В процессе исторического развития конкретного народа, – пишет А.А. Малыгина, – слагался тот или иной комплекс основных признаков, характеризующих куклу, бытовавшую у данного народа. Этот комплекс признаков и положен мною в основу определения типов кукол народностей Сибири» (с. 199–200). Автор выделяет две принципиально отличные группы плоских и объемных кукол и их разновидности.

В отличие от типологии игрушек предложенное деление игр (подражательные; связанные с производственными навыками; развивающие силу и меткость; спортивные; способствующие духовному развитию) оставляет желать лучшего и вызывает множество вопросов и возражений. Первый из них – это критерий, сообразно которому была произведена классификация игр. Каков он – из текста статьи понять трудно. Деление игр на подражательные и подготовительные (с. 205–206, 208) в процессе обучения ребенка каким-либо хозяйственным или бытовым навыкам с точки зрения педагогики и дидактики бессмысленно. Правильнее было бы вести речь об обучающих и развивающих играх. Этими же причинами (отсутствием должного внимания к философским и педагогическим категориям) можно объяснить ошибочное построение фразы «подход к этому вопросу (роль игры в жизни народа. – А.К.) прежде всего требует от исследователя изучения внутреннего мира, психологии маленького создателя (?! – А.К.) элементов общественной культуры...» (с. 199) и, как следствие, неправильное восприятие и осмысление сказанного. При всем желании «творить» ребенок просто не может быть «создателем» ее элементов, поскольку самостоятельно ими еще не владеет, а лишь воспроизводит их, копируя манеры, действия, приемы и поведение взрослых членов социума.

Тем не менее, несмотря на высказанные выше замечания, данная статья представляет большую ценность: не только как описание традиционных игр народов Севера и Сибири, но и как первый шаг в сторону экологической этнопедагогики, символом и составной частью которой является традиционная национальная игрушка.

В заключение было бы несправедливым не сказать, что цель, поставленная в проблемной статье Ч.М. Таксами перед всем ученым сообществом этнографов-сибиреведов – «помочь народам Сибири следовать этническим традициям на своей земле и в XXI в.» (с. 23), – настоящим изданием достигнута. Дело за другими исследованиями, продолжающими и развивающими начатую тему. Хочется надеяться, что благородный призыв Санкт-петербургских этнографов не останется без внимания и будет поддержан.

А.Н. Калабанов